

ВСЯ ЖИЗНЬ И КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Не так уж много режиссеров могут похвастаться тем, что их знают три поколения зрителей. А режиссера Арчила Чхартишвили помнят и родители, и даже бабушки тех, кто сегодня ходит на концерты в Грузинскую государственную филармонию.

Вот он сидит передо мной — словно живая история грузинского театра, терпеливо отвечает на вопросы, рассказывает сам. Ему было 16, когда он, с восторгом прислушиваясь к раскатам революционного грома в Грузии, с нетерпением ждал — что же принесет новая жизнь? Фортуна улыбалась молодому пареньку, работающему тогда рабочим сцены в театре имени Руставели. В громовых раскатах революционной битвы он услышал звук, исторгнутый лирой Кота Марджанишвили — верного и мужественного солдата в борьбе с силами старого мира, утверждающего своим искусством все прекрасное, романтически-революционное. Знакомство с Марджанишвили стало первым университетом для Арчила Чхартишвили.

— Марджанишвили пришел на грузинскую сцену, словно ураган, тайфун, — вспоминает Арчил Эстатович, — он вдохнул во всех нас свежий ветер революции, новую жизнь, новые идеи. Я видел, как молодели люди от общения с ним, как, нуждаясь в хлебе, соли, спичках, они становились духовно богатыми и красивыми.

В 1926 году Марджанишвили ушел из театра. К тому времени был помощником режиссера в театре имени Руставели. Так судьба меня свела с еще одним гением грузинской сцены — Сандро Ахметели и сделала участником создания спектакля «Анзор». Я непосредственно общался не только с Сандро Ахметели, но и с такими выдающимися актерами, как Ушанги Чхеидзе, Шалва Гамбашидзе, Акакий Хорава, Тамара Цулукидзе, с художниками — Вл. Сидамон-Эристави, П. Оцхели, Л. Гудиа-

К 70-летию со дня рождения А. Чхартишвили

швили, Д. Какабадзе. Нужна ли лучшая школа молодому режиссеру?..

— Арчил Эстатович, расскажите, пожалуйста, о вашем дневнике, который вы вели на репетициях спектакля «Анзор».

— Собственно, я исполнял тогда свой служебный долг. Вести дневник было обязанностью помощника режиссера...

— Да, но этот дневник, пожалуй, больше похож на стенографическую запись спектакля «Анзор», в котором даны не только полное описание спектакля, но и все замечания, высказывания, выступления Сандро Ахметели на репетициях, фото и макеты декораций, зарисовки, музыкальная и световая партитура... Даже в личных архивах режиссера нет такого полного описания спектакля, ведь по вашим записям можно свободно реставрировать «Анзора»...

— Это были мои университеты, — улыбается Арчил Эстатович и погружается в глубокое молчание, а потом добавляет: — Присутствуя на репетициях Ахметели, я был так захвачен и восхищен его работой, что считал своим долгом записывать каждое его слово, фиксировать все, что происходит на сцене. Я учился у него великому искусству — режиссуре. Работа Ахметели, его эстетические воззрения, которые проглядываются в его высказываниях, замечаниях, в постановках мизансцен, в определении характера того или иного героя, — это целое учение о природе сценического реализма. И я рад, что с ним может познакомиться сегодня молодое поколение...

— В разное время вы руководили театральными коллективами Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Грозного. Вы поставили более 100 спектак-

лей — драматических, оперных, на сцене театра музыкальной комедии. Какой же из них вам, как режиссеру, запомнился больше всего?..

— Откровенно говоря, люблю все — и хорошие, и плохие, и удачные, и неудачные. И в этом я не оригинален. Ну, а запомнился больше всего, конечно, первый спектакль, поставленный в Кутаисском театре в 1932 году. Это была пьеса Н. Гашека «Бравый солдат Швейк». Спектакль пользовался успехом.

— Арчил Эстатович, а что как режиссера привлекает вас в пьесе, заставляет взяться за ее постановку?

— Читая произведение, я пытаюсь выяснить для себя его главную идею, лейтмотив, и если он волнует меня, то с удовольствием берусь за постановку. Ставя спектакль, режиссер должен точно уяснить себе, что он хочет сказать зрителю, пришедшему на спектакль. Мне кажется, что создатель спектакля, режиссер или актер, должен быть сам по себе, если можно так выразиться, социально - воспитанным человеком. Когда он начинает работу, он и как художник, и как гражданин должен обладать чуткостью, тактом в вопросах этики, политики, гражданственности... Только тогда можно надеяться на успех...

Арчил Чхартишвили — режиссер и человек яркого и щедрого таланта. Он всегда тонко чувствует, что нужно сделать, чтобы спектакль звучал сильнее, красочнее. Особое внимание Арчил Эстатович уделяет массо-

вым сценам, музыкальному оформлению спектакля. Музыка для него — один из главных компонентов в раскрытии образов, темы пьесы, режиссерского замысла. Скупой на слова и похвалы, он очень ценит чужое мнение, всегда прислушивается к актеру, никогда не навязывает ему своего мнения.

— Да, он доверяет актеру, — вспоминает Верико Анджапаридзе, — но его невозможно обмануть, этот человек обладает необыкновенным чутьем и, словно лакмусовая бумага, реагирует на фальшь, неискренность.

И если актеры на репетициях спрашивали его, что нужно сделать еще в этой роли, как сыграть тот или иной образ, он всегда повторял:

— Не играть, не играть, а только думать об этом, переживать...

Арчил Чхартишвили — режиссер праздничный, он дает актерам крылья, и когда они высоко поднимаются на них, он первым восхищается.

Работая главным режиссером Большого концертного зала Грузинской государственной филармонии, народный артист СССР А. Чхартишвили и сегодня, как и всю свою жизнь, в поиске, полон энергии и молодого задора. И потому на вопрос, как он относится к своему 70-летию, режиссер сказал:

— Пока мне трудно ответить на этот вопрос, потому что пока я его не осмыслил. Приходите на мое 100-летие, и тогда я расскажу вам о моем прошедшем юбилее.

Беседу вел
Т. КЕСАНАШВИЛИ.

Вчера в Государственном академическом театре имени Ш. Руставели состоялся вечер, посвященный 70-летию со дня рождения народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Арчила Чхартишвили. Театральная общественность республики, деятели литературы и искусства, представители трудящихся тепло приветствовали юбиляра.